

Глава 1

Мусорка

Безвыходных положений не существует в принципе. Согласно одной из легенд Зоны, именно это сказал Рэд Шухов своим спутникам за несколько мгновений до того, как они замуровали его живьем у основания бетонного саркофага Четвертого энергоблока.

Я лежал на склоне полуразмытой ливнями железнодорожной насыпи и сосредоточенно прислушивался к шелесту падающей с неба воды. Это было нечестно. Сволочной дождь мешал слушать Мусорку, а значит, бессовестно подыгрывал преследователям. Уже дважды я резко вскидывался, уловив, как изменили тональность звука тонущие в лужах капли, но оба раза виноваты оказывались вороны, встряхивавшие мокрыми перьями в ветвях почерневших деревьев неподалеку. А вот едва уловимые шумы, которые производят крадущиеся по Зоне люди, дождь заглушал начисто.

Я осторожно приподнял голову над рельсом и снова пристально посмотрел на глубокий котлован, вырытый с противоположной стороны железнодорожной насыпи. Спускаться туда не хотелось абсолютно. Дерьмово там было, в котловане. Неприятно.

Несмотря на то что солнце пряталось среди туч, мерцал в котловане одинокий световой зайчик, что-то периодически взблескивало среди травы, в переплетении ржавой арматуры и металлического лома, словно выцеливая меня оптическим прицелом. И еще оттуда устойчиво и неуютно тянуло жутью,

тем паскудным чувством, которое возникает, когдаходишь один в незнакомую темную комнату. Мысль о том, что придется спускаться в котлован, царапала сознание, словно писк гвоздя, скребущего по стеклу.

Дима Шухов по кличке Рэд действительно нашел выход из безвыходной ситуации. Он стал Черным Сталкером — духом Зоны, ночным призраком, демоном для одних и ангелом для других. Он мог жестоко наказать любого за нарушение неписаных законов Зоны, а мог спасти, указав заблудившемуся сталкеру невидимую ловушку или безопасный обратный маршрут. Рассказывали, что некоторых он даже выводил ради каких-то своих соображений на особенно редкие и ценные артефакты.

Однако меня такой исход дела не устраивал. Ну его к монахам. Мучительная смерть и дальнейшее призрачное существование не вписывались в мои ближайшие планы. Из создавшегося безвыходного положения мне необходим был другой, более приемлемый выход.

Я расстегнул камуфляжную куртку и бережно вытащил из внутреннего кармана небольшой серебряный портсигар. Эта штука беспокоила меня больше всего, даже больше сложившейся ситуации. Интересно, мне мерещится или портсигар действительно ощутимо нагрелся? А то, что сердце, возле которого я несу эту дрянь, время от времени куда-то проваливается и порой омерзительно замирает на мгновение, — это последствия переутомления и выпитого накануне термоса крепкого кофе или лучше все-таки переложить портсигар от греха подальше в рюкзак?..

Нет. Рюкзак запросто можно потерять, особенно когда приходится драпать без оглядки. Я потрогал портсигар кончиками пальцев, так и не решившись открыть его, и снова спрятал за пазуху. Ради этой штуки уже погибли двое сталкеров и в самое ближайшее время должны погибнуть еще трое. Или один — это уже как карта ляжет. Хотя для меня, конечно, предпочтительнее трое, потому что если один — то это наверняка буду я.

Оттянув обшлаг рукава, я бросил взгляд на экран ПДА. Датчик движения зафиксировал метрах в ста к северо-западу хаотические перемещения какого-то некрупного объекта — скорее всего, отбившаяся от стаи дохлая собака рылась в развалинах в поисках еды. Живые организмы размером с человека в окрестностях обнаружены не были — или просто не двигались, затаившись в кустах и наблюдая железно-дорожную насыпь через прорези прицелов.

Заодно я проверил пришедшую на приемопередающее устройство почту. Так, для порядку. На почту мне сейчас по большому счету было наклесть; на самом деле я просто оттягивал на несколько мгновений момент, когда мне все-таки придется спуститься в котлован.

ПДА принял только одно слово: «Договоримся?»

Я снова прислушался, пытаюсь среди шороха дождевых струй разобрать подозрительные шумы. Не было вокруг никаких шумов. Смахнув с экранчика портативного компьютера дождевую воду, я одним пальцем неуклюже отпечатал, куда следует пойти адресату; указание это уложилось в три коротких слова и вряд ли могло помочь посланному обнаружить точный адрес, зато прекрасно отражало мое отношение к предложению о переговорах и к личности самого переговорщика. В принципе, письмо, отправленное преследователем, могло быть просто хитрым тактическим приемом: приняв почту, виброзвонок ПДА обычно издавал негромкое жужжание, и это могло меня демаскировать. Однако я уже давно знал все эти штучки и последний час включал портативное средство связи лишь время от времени, по мере необходимости. Безнадёжное это дело — ловить старую опытную щуку на голый крючок.

Адски зачесался левый глаз, и я безуспешно попытался потереть его рукавом куртки. Пальцами, перемазанными свежей глиной, лезть в глаза я не рискнул. К чему там у нас чешется левый глаз?.. Если долго глаз тереть, очень можно умереть. Шутка юмора, родил Енот. Убить бы гада за такой юмор.

Обостренным звериным чутьем я улавливал гуляющие по Зоне запахи. Все здесь пахло не так, как за пределами Периметра. Запахи обжигали носоглотку, въедались в кожу, проникали во внутренности. Кислая гарь — сгорела бывшая подстанция возле бывшего завода «Славич». Озоновые оттенки — искрят «мухобойки» в долине. Вонь протухших яиц, смешанная с уксусными миазмами, — ядовитый туман с Болота ползет в сторону армейского блокпоста. Запахи ружейного масла, пропитанных креозотом шпал, гниющей плоти, дождевой сырости, преющей одежды. Запах тревоги. Запах страха. Запах напряжения.

Как и следовало ожидать, детектор радиации показал, что котлован накрыт свежим пятном цезия. Ну разумеется. Пятно было небольшим, около сорока метров в длину, и вытянутым к северу. Оно явно возникло после вчерашнего Выхлопа, поскольку еще позавчера Вазелин прошел здесь беспрепятственно. И это было весьма паршиво. В принципе, кратковременное воздействие повышенной радиации особой трагедией для меня не являлось: практически вся Мусорка представляла собой радиационно загрязненную территорию с умеренным гамма-фоном, а свою годовичную норму я еще не выбрал. Однако в этом пятне могли обитать какие угодно твари. Каждый Выхлоп до неузнаваемости преображал Зону, превращая знакомые маршруты в полосы препятствий со смертельно опасными ловушками.

Но другого пути не было — уходить по голым холмам и просматриваемой со всех сторон долине невозможно. Отмычки только и ждут, когда я выберусь на открытое место. Поганые твари. Шакалы. Если даже они не прикончат меня сами, то загонят на колючую проволоку армейского блокпоста возле полуразрушенного железнодорожного моста. А армейская пуля со смещенным центром тяжести мало чем отличается от контрабандой ввезенных в Зону боеприпасов сталкеров.

Однако время поджимало, следовало двигаться. Движение — это жизнь, как метко подметил видный физиолог Пав-

лов, который тоже резал глотки собакам. Впрочем, если и не Павлов, то все равно сказано архиверно.

Я быстро перекатился через рельс, и тут же перед моим лицом вжикнула пуля, а затем в районе соседнего холма словно бы нехотя раскатился звук короткой автоматной очереди.

Оп-паньки! Я вжался в прогнившие шпалы.

Утверждают, что пуля из «калашникова» легко пробивает металлический рельс. Эта не пробила: звонко срикошетив, она скользнула в заросли кустарника на краю котлована, разорвав полотнище порыжелой листвы. Видимо, была на излете.

Наступила гнетущая тишина. Отзвуки выстрелов медленно растворялись в пространстве, расплывались огромной полусферой, расползавшейся к горизонту. Через несколько мгновений шорох дождя окончательно поглотил их.

ПДА тревожно завибрировал: дохлая собака, учуяв свежее мясо, бросила свою тухлятину и рысцой приближалась ко мне. М-мать, как вовремя-то! Я попытался перекатиться через второй рельс, но стоило мне чуть приподняться, как очередная пуля навывлет пронзила рюкзак. Я снова распластался между рельсов, чувствуя, как острый гравий впивается в тело. В рюкзаке что-то радостно захлюпало, и куртка на спине промокла насквозь: фляга с водкой приказала долго жить. Вечная память тебе, верная фляга.

Собака, сообразив, что мясо не двигается, осмелела и прибавила ходу. Выбравшись из кустарника на насыпь, она скакала по шпалам тяжелым галопом, явно собираясь сытно отобедать.

Это была светло-коричневая тварь размером с ньюфаундленда и с вылезавшей клоками шерстью, похожая на омерзительную помесь дворняги с обезьяной. На бегу она далеко выбрасывала задние ноги, ее раскачивало из стороны в сторону, и вообще она передвигалась так, будто в ее теле переломана добрая треть костей. Однако дохлая собака не была ранена: такая походка присуща всему ее мутировавшему племени.

Строго говоря, не была она и дохлой: так прозвали этих тварей местные, а вообще-то эти чертовы собаки живее всех живых и напоминают зомби только внешним видом. Морда у собаки была морщинистая, среди глубоких складок кожи прятались едва заметные щелочки глаз. Глаза этим тварям без надобности — они ориентируются на запах, звук и мысли жертвы, и ориентируются, к сожалению, превосходно.

Я попытался дотянуться до ножа на поясе, но короткая очередь с соседнего холма разбросала гравий у меня перед носом, заставив с проклятиями вжаться в трухлявые шпалы. Стрелял определенно один, с одной точки — следовательно, остальные сейчас обходят меня с двух сторон. Отмычки, среди которых как минимум двое — бывшие военные, явно имели некоторые познания в тактике ведения боевых действий на открытом пространстве.

Четырех отмычек подобрал мне Бубна, и еще одного молодого нашел в лягушатнике я сам — здоровяка Володю Шпака по кличке Резаный, бывшего десантника со шрамом во всю щеку, которого после демобилизации, наобещав золотых гор, сослуживец на один сезон притащил в Зону. Отмычки, или мясо, — так называют молодых, необстрелянных сталкеров, которые нанимаются лазить за Периметр в команде с опытными ветеранами и, выходя на маршрут, в опасных местах обязаны работать мясом, отмычками для аномалий: идти впереди, чтобы не подвергать лишнему риску драгоценную жизнь ведущего. Безымянный сослуживец Резаного сгинул еще весной, послужив отмычкой Мухе, а Резаному довелось погибнуть только вчера. На него полностью разрядилась огромная «мухобойка», превратив его в дымящийся кусок дерьма, хотя за мгновение перед этим я готов был поклясться, что коридор полуразрушенной фабрики чист из конца в конец.

Проклятье. Жаль Резаного, он был толковый малый, и рано или поздно я сделал бы из него человека.

А потому что не таскай мясо из котла поперед батьки! Нечего было соваться без команды, ведь он отлично знал,

что в незнакомом месте расслабляться нельзя, это я им всем вдалбливал с самого начала.

А тем более нельзя расслабляться в знакомом месте, потому что это опаснее всего. В Зоне все нестабильно, все меняется быстрее, чем успеваешь запомнить и привыкнуть. Именно этим обусловлено первое правило сталкера: никогда не возвращаться тем же путем, каким пришел. Благополучно преодолев ловушки аномалий и охотничьи уголья мутировавших тварей, сталкер на обратном пути невольно расслабляется, начинает ощущать себя в безопасности, однако в течение нескольких часов на чистых ранее местах возникают новые «мухобойки», на металлических предметах нарастают «ржавые волосы», ветер намывает «жгучий пух», из подземных коллекторов выбираются циклопы и гоблины, в котлованах и на кладбищах брошенной техники устраивают засады зомби, мародеры и безумные сталкеры из темных группировок.

Выхлоп застал нас вчера на обратном пути. Выхлоп, как обычно, совершенно неожиданный — прогноз Че обещал катаклизм лишь к вечеру следующего дня, когда мы давно уже должны были добраться до Чернобыля-4. Нашей команде пришлось срочно искать укрытие в полуразрушенном подвале, где мы и обосновались. Устроившись на ночлег, отмычки еще долго едва слышно шушукались в своем углу, и это меня сразу насторожило. Не о чем им было шушукаться. Вымотанные сложным, почти суточным переходом по Полигону, они должны были уснуть как убитые, едва опустившись на пол. Да и дисциплину я в своей команде поддерживал суровую — с помощью убедительного кулака.

И тем не менее отмычки оживленно что-то обсуждали — неразборчивым шепотом, осторожно, стараясь не разбудить ведущего, то есть меня. А бунт на корабле всегда начинается с перешептываний за спиной капитана.

Старательно прикидываясь спящим, я пристально вглядывался в чернильную темноту, чтобы ненароком не уснуть на самом деле, и пытался не пропустить ни малейшего шороха

с противоположной стороны подвала. Однако отмычки наконец уgomонились, и я, выждав еще около часа, позволил себе расслабиться.

Это была ошибка. Если бы я не заснул в ту ночь, возможно, все пошло бы по-другому. Скорее всего, я без дальнейших проблем привел бы всех троих целыми и невредимыми к торговцу, получил причитающиеся деньги и отправился отсыпаться к Динке. Нападать открыто они бы не рискнули даже втроем.

Однако я был страшно утомлен, поскольку вылазка оказалась гораздо сложнее, чем я рассчитывал. А отмычки логически рассудили, что, убрав командира, они вполне смогут вернуться самостоятельно по уже достаточно безопасным нижним уровням и получить за ту дрянь у меня в портсигаре меньше, конечно, чем получил бы на руки я сам, но больше, чем если бы я явился к торговцу лично и самостоятельно делил выручку на всех.

Не исключено, что главную ошибку я допустил еще раньше. Не следовало принимать их сразу так жестко в оборот. Однако Кислый откровенно борзел, и необходимо было наглядно продемонстрировать ему, кто здесь главный медведь в берлоге. Что я и сделал.

А потом погиб Резаный. Погиб глупо, на ровном месте, и отмычки заметно напряглись, хотя Резаный был виноват сам.

А потом навернулся Сухарь — и тоже исключительно по собственной дурасти: я предупреждал, чтобы след в след. Навернуться, когда тебя ведет Хемуль, — это надо очень постараться. Однако Сухарю удалось. На мгновение он ступил в сторону — и угодил ногой в невидимую на бетонном полу гравитационную «плешь».

Его тут же распластало по полу, а ногу, попавшую в аномалию, просто расплющило. Мы ничем не могли помочь, костыль Сухарю можно было только отрезать, однако это пришлось бы сделать так высоко, что никак не получилось бы наложить жгут.

Пару минут мы ковырялись вокруг оравшего благим матом Сухаря, а потом я без лишних разговоров пристрелил его одиночным, чтобы не мучился и не привлекал к нам внимание местных тварей, и погнал уцелевших отмычек дальше.

Сухарь все равно умер бы от болевого шока или от потери крови, но морда у Обоймы вытянулась так, словно я стрелял именно в него. Наверное, следовало подробно объяснить им, что к чему, что Сухаря уже не спасти, но я устал как собака, психовал из-за Кислого и обжег себе шею «жгучим пухом». Мне было не до того, чтобы щадить чувства щенят.

В результате первой фразой на их военном совете, после того как мы расположились на ночлег, наверняка стало классическое:

— Этот ублюдок положит нас всех.

Помню, как же. Сам говорил такое своим молодым коллегам, когда потерявший от жадности последний ум Стервятник, земля ему пухом, гнал нас через «горячие пятна» за Золотым шаром. Умение пресекать подобные настроения в зародыше — очень ценное умение для ветерана-ведущего, позволяющее ему прожить дольше положенного. Стервятник вот не сумел. Мне казалось, что я внушаю отмычкам достаточный ужас, чтобы не повторить его судьбу.

Классическую первую фразу наверняка сказал Кислый. Дрянь человек. Мечет понты, что твоя «мухойка», жаждет по-любому вылезти наверх, а внутри у него — труха. Ковырнуть только, и посыплется. Нет, такое говнецо долго Зону не топчет. Подминают под себя слабых, карабкаются по трупам. Поняв, что быть вольным сталкером — целое искусство вроде самурайского и что им, соответственно, ни хрена не светит, становятся мародерами, что караулят сталкеров с добычей за Периметром, или шестерками у главарей кланов. Если повезет, сами становятся главарями каких-нибудь бродяг-отморозков. Если очень, конечно, повезет — для этого кроме наглости еще и мозги нужны.

Китаец наверняка согласился из стервятниковской жадности. Идея сократить количество пайщиков не могла ему не

понравиться. Я сразу, еще у торговца, обратил внимание на его мелочность и скупердяйство. А слабовольный Обойма просто не стал отрываться от коллектива. Он всегда при-мыкал к большинству, и Кислый ездил на нем как хотел.

Они договорились напасть на меня глубокой ночью. За-валить ветерана-сталкера наверняка казалось им парой пу-стяков. Выбраться с окраины Мусорки без опытного веду-щего, особенно сразу после Выхлопа — раз плюнуть. Опре-деленно, когда Бог раздавал земным тварям ум, мои отмычки стояли в очереди где-то за креветками. Разумеется, все у них пошло как обычно — наперекосяк.

Скорее всего, они на мгновение включили фонарик в дальнем конце комнаты, чтобы убедиться, что я никуда не делся, и в то же время ненароком меня не разбудить. Среди новичков и патрульных солдат ходят самые фантастические легенды о невероятной чувствительности опытных сталкеров, поэтому отмычки решили перестраховаться и не светить мне в лицо. По крайней мере, только этим я могу объяснить то, что произошло потом. И это уже была их ошибка. Убедив-шись, что под моей камуфляжной курткой смутно угадывает-ся человеческий силуэт, они погасили фонарик и начали осто-рожно приближаться.

Я проснулся оттого, что мои ноги туго стянула удавка. Кто-то навалился мне всем весом на плечи, но я резким ударом сложенных в замок рук сломал придурку нос. Судя по всему, они собирались без лишнего шума задушить меня во сне, а потом, если у моего клана возникнут неудобные вопросы, списать это дело на какого-нибудь вылезшего из дыры в сте-не гоблина. Наверное, так бы все и произошло, если бы перед тем, как заснуть, я не перевернулся головой к двери: крысы за стеной у изголовья скреблись так яростно, что ус-нуть было совершенно невозможно.

Я подтянул стянутые шнурком колени к груди, а потом ударил обеими ногами в темноту и попал во что-то упругое и мягкое. Китаец вскрикнул, и удавка ослабла. Кто-то осле-пительно засветил мне по уху каблуком — судя по всему,

случайно, просто не туда ступил. Вслепую я произвел подсечку и сбил с ног еще одного нападавшего. Вообще они больше мешали друг другу, взявшись топтаться вокруг меня втроем, нежели помогали. Кто-то сунул мне ногой в бок — и снова случайно, судя по всему. Потом, не разобравшись в темноте, кто-то из них нокаутировал кого-то из своих, а я, не поднимаясь на ноги, ужом скользнул вдоль стены в направлении выхода.

А потом я ухватился за ремень автомата, который вечером поставил у изголовья, и, еще только начав делать кувырок вперед, уже понял, что лоханулся. Вместо оружия я зацепил свой тощенький рюкзак. Поскольку ночью я перевернулся ногами к изголовью, автомат теперь следовало искать в ногах.

Вспышка автоматной очереди распорол темноту. В ее мерцающем, дергающемся свете я определил черный прямоугольник двери и метнулся к нему, волоча рюкзак за собой. Без оружия шансов против трех вооруженных противников у меня было не больше, чем у быка на бойне.

— Не стрелять! — крикнул с пола Кислый, в то время как кто-то — судя по всему, единственный оставшийся на ногах Обойма — яростно дергал заклинивший затвор автомата. — Перебьешь нас всех к черту!..

Я выкатился из подвала и кинулся в густые утренние сумерки. Автоматные пули яростно рубили сучья и листья справа и слева от меня.

Немного оторваться от преследователей я сумел только возле шоссе. Выбираться на дорогу не стал: слишком очевидно, да и окажусь я как на ладони. От шоссе вообще лучше держаться подальше, особенно в тех местах, где оно ныряет в тоннель или под мост, — там прячутся аномалии, которые трудно заметить в полумраке. Слишком много идотов оставили там свои кости, послужив отличными маяками для умных людей.

Что касается аномалий, образовавшихся на пересеченной местности, то я сейчас без особого труда определял их на